

КАБИНЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

**Читайте в серии Анны Акимовой
«Кабинетный детектив»:**

Змеиная верность

Укол гордости

Зависть кукушки

Яд ревности

Анна Акимова

ЯД *ревности*

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А39

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление А. Рысухиной

Редактор серии А. Антонова

Акимова, Анна.

А39 Ядревности : роман / Анна Акимова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-183762-4

Магда работала в бюро технического перевода. Работа не доставляла большого удовольствия, зато ей повезло в личной жизни — они с Игорем счастливы и собираются пожениться! Тем неожиданнее и больнее стал удар, когда Игорь вдруг объявил о разрыве. Магда старалась, но никак не могла привыкнуть к своей новой одинокой жизни. Раз за разом она пыталась встретиться с Игорем и выяснить, что же все-таки произошло, но он старательно избегал ее. А потом на Магду было совершено покушение, и она поняла: ситуация гораздо серьезнее, чем ей казалось...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Акимова А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-183762-4

Солнце миновало точку зенита и медленно катилось к закату, но до вечера было еще далеко. Летняя улица, переполненная машинами и людьми в ярких свободных одеждах, плавила от жары, пахла бензиновой гарью и нагретым асфальтом.

Серая «Мазда» отчалила от ресторана «Сказка» и, мягко шурша шинами, помчалась по проспекту в сторону реки.

Мужчина лет пятидесяти, вальяжно развалившийся на заднем сиденье, с мягкой усмешкой посматривал на свою молодую спутницу.

Хороша козочка, ах хороша! Губастенькая, глазастьенькая, с копной темных кудрей! А грудка, а попка! И каблучки как копытца: цок, цок! А запах! Духи и молодая, свежая кожа с легкой примесью коньяка и кофе — они-таки хорошо посидели в «Сказке»! Ах ты ж, козочка!

Его собственная супруга давно уже так не пахнет. Да и нюхал-то он ее сто лет назад.

Спят в разных комнатах — не нравится ей, видите ли, что он храпит! На себя посмотри, чувырла! Расплылась, отупела, потеряла интерес к сексу. Убежать бы от нее куда глаза глядят, а нельзя! Положение не позволяет, имидж!

Слава богу, сейчас он свободен: жена с внучкой улетели в Турцию, дочка с зятем — на Пхукет. А он погуляет здесь. С козочкой. Сейчас они приедут на дачу, и там...

Он опять обвел взглядом спутницу, которая, достав зеркальце, сосредоточенно разглядывала в нем свою хорошенькую мордашку. Почувствовав его взгляд, она повернулась и, убирая зеркальце в сумочку, маняще улыбнулась. От грешных мыслей широкое, одутловатое лицо мужчины покраснело, во рту пересохло. Надо бы принять таблетку, но продемонстрировать слабость перед «козочкой» не хотелось. Ничего, сейчас приедут на дачу... Вон мост уже показался впереди, переедем на ту сторону, а там уж близко...

Машина уже мчалась по шоссе вдоль реки, которая широкой лентой блестела далеко внизу — берег здесь был очень высоким и обрывистым. Вдоль шоссе, ближе к берегу, шла широкая, обсаженная кустами сирени и жимолости, асфальтовая аллея, которая к вечеру заполнялась гуляющими людьми, но сейчас

была почти пуста. Вдали лента реки пересекалась ажурной полоской моста.

— Вау! — вдруг громко взвизгнула девушка и наманикюренным пальцем ткнула в окно. — Смотри, летит! Вау!

Он глянул — с высокого берега взлетал парплан. Ярко окрашенный купол наполнился воздухом, взмыл над рекой и, поймав ветер, стал набирать высоту. Еще два парпланиста копошились на земле, готовясь к полету.

— Останови! — вопила девчонка, подпрыгивая на сиденье. — Останови, я посмотреть хочу! Вау, вау, вау!!!

Он вздохнул про себя. Ну вот что интересного? Не видела она ни разу, что ли? Эти парпланы тут каждый день летают, клуб неподалеку. Никто уж и внимания давно не обращает, а этой дурочке, похоже, в новинку!

— Останови, Гоша, — снисходительно командовал он водителю. — Вон «карман», причаливай, постоим немножко...

Едва дождавшись остановки, «козочка» выскочила из машины и поскакала к обрыву. Остановившись на самом краю, она восторженно уставилась в небо, где летали уже все три парплана. Обеими руками она заслонялась от солнца, бьющего в глаза, слегка подпрыгивала и повизгивала.

Мужчина немного подождал, потом досадливо вздохнул и тоже выбрался из машины. Поддернув светлые брюки, которым неуютно сиделось на объемистом животе, он подошел к девушке и встал рядом.

— Ну ты чего, не насмотрелась еще? Поехали уже, а? Чего на жаре торчать!

— Сейчас, сейчас! — девушка вдруг замерла и резко дернула головой, как будто отгоняя назойливую муху. Она почувствовала знакомый холодок в затылке, и душа, как всегда, укатилась в пятки. Это была любимая шуточка Мора — перед тем, как прицелиться в «клиента», он брал на мушку ее. Он знал, что она все чувствует и боится, но «шутить» не прекращал. Мор — настоящий садист и психопат, никто не мог знать, чем кончится его очередная «шутка», поэтому ей всегда было страшно...

Ей казалось, то место, куда целил Мор, за долгие годы стало болящим нарывом, а волосы там поседели. И хотя в зеркале она не видела ничего такого, она, подкрашивая волосы, особенно старательно мазала краской затылок.

Однако в этой жестокой забаве Мора был один положительный момент: она всегда знала, когда Мор готов и надо отходить. Сейчас тоже поняла: пора!

— Я на минутку! — крикнула девушка и быстро побежала вдоль берега к кустам, росшим невдалеке. Мужчина повернулся и нерешительно посмотрел ей вслед. Куда это она? Пойти за ней? А вдруг там что-то интимное — пописать, или еще что?..

Что-то клюнуло его в висок, и голова взорвалась изнутри страшной болью. Грузное тело рухнуло на край обрыва и, цепляясь одеждой за сухие глинистые выступы, поползло вниз...

Дверка открылась неожиданно легко и бесшумно, и мальчик очутился на крыше. Он вылез из чердачного люка и восторженно огляделся.

Вау, здесь круто! Бездонное, ярко-синее небо и горячее солнце здесь гораздо ближе, чем внизу. Двор, со всей его суетой, мелочностью, дрызгами соседей из-за парковки, визгом мелкоты в песочнице, надоедливymi бабками на лавочках, остался далеко внизу, его почти не было слышно в этом царстве свободы и солнечного небесного простора.

Правда, голос матери доносился и сюда. «Саша, Саша!» — орала мать, и он раздраженно морщился и дергал уголком рта, точно так же, как отец.

Мать бесила его. У всех были матери как матери, а у него — умалишенная. Это отец ее так

называл — «умалишенная». Она наизусть знала все его школьное расписание, на каждой перемене звонила и требовала отчета: где он, как он, какую получил оценку, поел ли, попил ли, не болит ли что-нибудь? Пацаны смеялись над ним, дразнили...

Выключать телефон было бесполезно — не получив ответа, мать срывалась с работы и приезжала в школу. На потеху пацанам, она отлавливала его, вертела во все стороны, одергивая на нем одежду и громко, так что все слышали, задавала те же вопросы: поел ли, попил ли, что с телефоном? А ему хотелось провалиться сквозь землю.

Отец тоже подсмеивался, говорил: «Погоди, Санька, потерпи еще годков с пяток. А там уж мать до военкомата проводит, последний разок памперс поменяет, сопли подотрет и отпустит наконец. Будешь свободен!»

Отцу было хорошо, он почти не жил дома. У него ответственная, опасная и, наверное, жутко интересная работа. Он уезжал в очередную командировку, а мальчик опять оставался наедине с матерью.

Даже на каникулах она не оставляла его в покое. Не давала играть на компьютере, смотреть ужастики, заставляла читать нудные книжки и не пускала играть в футбол с пацанами. Все боялась, что он ломает но-